

Словно... поздоровалась.

Эта мысль так напугала Сюй Сяочжэня, что он сразу отдёрнул руку.

С каких это пор у опухолей появляется сознание? С каких пор они здороваются?

Сердце бешено колотилось.

В следующие дни всё стало только страннее — эта опухоль двигалась всё чаще. Стоило Сюй Сяочжэню её задеть, как она тут же отвечала.

Иногда, когда он плакал, лежал, весь скрученный от боли, он вдруг ощущал, что она снова шевелится — будто утешает.

Но чаще всего она вела себя смирно.

А вот тело его всё чаще начинало болеть. Это была не обычная боль от ушибов — а жжение, будто кровь кипела изнутри. Мышцы, ткани — всё внутри словно варилось. Почти как жара в период течки.

Он списывал это на опухоль.

Сначала, когда боль приходила, стоило обнять одежду Чжоу Яня — и становилось легче. Но потом это перестало работать. Ему приходилось терпеть.

Однажды ночью боль накрыла особенно яростно. После приступа он весь был мокрый, словно его достали из воды. Бледная кожа вспыхнула алым, как у демона из кошмара.

На столе замигал телефон. Моргала красная лампочка, жалобно пищала, сигнализируя, что батарея на исходе. Звук резал по ушам, не давал уснуть.

Он вылез из груды одежды, весь мокрый, и выключил его.

И тогда увидел заставку.

Старый, как мир, раскладной телефон. Фотография, как будто откопана из могилы первобытных людей. Пиксель к пикселю.

На снимке — он и Чжоу Янь.

Чжоу Янь не любил фотографироваться. Это был их единственный снимок. В день рождения. Тогда Сюй Сяочжэнь уговорил его — нет, заставил.

Чжоу Янь держал крошечный торт с кремом, размером с кулак. Одна свечка. Лицо недовольное, словно его заставили есть пластик. А Сюй Сяочжэнь, вцепившись в его шею, улыбался так ярко, что глаза сжались в две луны. Чжоу Янь пытался отвернуться, нахмурился — но не успел уйти из кадра.

Сюй Сяочжэнь поставил эту фотографию на заставку экрана. В последние дни, когда он то падал в обморок, то приходил в себя, ему даже не нужно было смотреть на неё — он помнил Чжоу Яня до мельчайших черт.

Но сейчас... Не то экран слишком старый, не то заляпан грязью — изображение казалось смазанным, тусклым. Он провёл по нему ладонью, но стало только хуже: даже цифры в углу размылись.

Дата — 13 августа.

Мозг, окутанный пеленой, медленно включился. Послезавтра... Экзамен.

На экране — десятки пропущенных звонков. Он удивился. Кто вообще может ему звонить? Кто ещё помнит о его существовании?

И в этот момент номер снова засветился.

— Наконец-то взял трубку! Сюй Сяочжэнь, послезавтра экзамен! Вся группа уже получила допуск, остались только ты и Чжоу Янь! Вы вообще собираетесь сдавать?

Голос выдрал его обратно в реальность.

— Э... простите, кто вы? — прохрипел он, голос сухой, будто ржавым гвоздём провели по стеклу.

— Кто я?! Учебная часть! Ты завтра придёшь за допуском?

Сюй Сяочжэня как будто обдало тёплым воздухом. Что-то внутри, давно замершее, дрогнуло. Он даже не подумал — просто сказал:

— Спасибо... Я приду...

Он и не думал, что кто-то... ещё заботится о том, сдаст ли он экзамен.

На другом конце на секунду замерли. Потом короткий вдох — и гудки.

Сюй Сяочжэнь снова закопался в кучу одежды. Подключил телефон к зарядке и уставился на экран. На снимок.

На самом деле, всё давно решено. Умирать — так умирать. Идти на экзамен бессмысленно. Даже если он сдаст — его организм не выдержит.

Но он всю жизнь учился. Всё, с чего он себя помнил, — борьба за выход из Восемнадцатого сектора. Если даже на экзамен не пойти — это будет как признание, что вся эта борьба ничего не стоила.

Он провёл пальцем по лицу Чжоу Яня на экране. Прислонился щекой.

Пойти. Сдать. Умереть — но хоть узнать, на что был способен. Хоть раз увидеть: в какую школу он мог бы поступить.

Если бы Чжоу Янь был жив — они бы пошли вместе. Он был умнее. Поступил бы в лучший вуз. Конечно бы поступил.

Сюй Сяочжэнь вытер лицо, отложил телефон и поднял с пола давно забытые учебники.

Он раскрыл блокнот и только тогда понял — дело не в сломанном экране, а в его собственных глазах. Всё плыло перед ним, будто зрение окончательно подвело.

Он не знал, вымотал ли глаза от слёз или опухоль в животе придавила какой-то сосуд, нарушив кровоснабжение. Но ясно было одно: он действительно стал ещё на шаг ближе к смерти.

В Империи каждый год 15 августа проходили вступительные экзамены. Экзаменаторов распределяли по секторам путём случайной жеребьёвки — один сектор присматривал за другим. Верхние три сектора не участвовали в розыгрыше, и на этот раз четвёртый был назначен следить за восемнадцатым.

Экзаменаторы прибыли заранее и поселились в предназначенной для них гостинице. Среди них большинство составляли избалованные омеги, которые в жизни не сталкивались с такими скверными условиями. Каждый из них не скрывал брезгливости и недовольства — даже в день экзамена их лица не выражали ни капли терпения.

Они морщились, зажимали носы, бродили по аудитории с видом, будто от самих учеников несёт невыносимой вонью.

Большинство старшеклассников восемнадцатого сектора давно махнули на всё рукой — им был ближе не экзамен, а возможность вживую посмотреть на омег, которых, возможно, больше никогда не увидят.

Сюй Сяочжэнь, хоть зрение и подвело, справлялся неплохо — если наклониться поближе к листу, всё ещё можно было разобрать. Он уткнулся в парту, старательно выводя строчку за строчкой.

На вид он был обычный бедный, полуголодный паренёк. Но при этом — один из немногих, кто действительно решал задания, а не глазел на омег. Пожалуй, именно поэтому несколько экзаменаторов предпочли задержаться рядом с ним подольше.

Утренний блок он сдал сравнительно легко, но к вечеру стало тяжело. На лбу выступил липкий пот, кровь в венах закипала, пульсировала так больно, что казалось, сами сосуды вот-вот взорвутся. Тело ныло, металось между болью и странной жаждой — он только не понимал, чего именно жаждал.

Он знал: это возвращалась его ежедневная боль.

Треть заданий ещё оставалась, а раньше уйти было нельзя. Оставалось лишь сцепив зубы писать дальше.

Проходивший мимо Сюя Сяочжэня экзаменатор внезапно замер. Ноздри вздрогнули. Он уловил какой-то запах. Но вместо того чтобы, как прежде, зажать нос, он наоборот — втянул воздух поглубже, нахмурился и с подозрением пошёл дальше.

Он подумал, что это ему показалось. С чего вдруг запах омега-информационного феромона? Ведь перед въездом в восемнадцатый район все они заранее приняли ингибиторы.

Но запах становился всё сильнее. Несколько экзаменаторов уловили в воздухе насыщенный аромат винограда — терпко-сладкий, вызывающий слюноотделение.

Только вот феромоны омеги всегда отражают его состояние. А этот запах... он был не просто сильным — он был тревожным, разбалансированным, словно сигнал бедствия. Этот омега страдал.

Сюй Сяочжэнь дописал последний ответ, обессиленно уронил голову на парту, сжал кисть между большим и указательным пальцем, чтобы не потерять сознание. Сквозь мутную пелену взглянул на свою экзаменационную карту и не заметил, как над ним сгустилась тень — несколько экзаменаторов окружили его вплотную.

Один из них коснулся его шеи и громко воскликнул:

— Вот он! Точно он!

— Ему совсем плохо!

— Где врач? Срочно врача!

Омеги считались физически слабее альф — не такие доминирующие, не такие яростные. Особенно после метки, когда в присутствии альф они становились почти подчинёнными. Потому в омега-среде давно сложилась негласная солидарность: помогать друг другу — вопрос выживания. Только держась вместе, они могли избежать судьбы бета — стать безропотными слугами альф.

Правда, насчёт бет у них особого сочувствия не было. Считалось, что им положено быть ниже — врождённое положение.

Сюй Сяочжэнь всё ещё держался, едва не теряя сознание. Голоса, раздававшиеся вокруг, будто гудели в голове, и с каждой секундой ему становилось всё труднее оставаться в сознании.

Остальные учащиеся в аудитории были бета. Феромоны на них не действовали — они лишь видели, как Сюй Сяочжэнь сгибается от боли над партой.

Вскоре в помещение вошли врачи. Экзаменаторы помогли им аккуратно поднять Сюй Сяочжэня и вынесли его из аудитории.

Взгляды учеников следили за группой омега-экзаменаторов, лица которых выражали искреннюю тревогу. У всех в головах пронеслась одна и та же мысль: всё как в книгах — омеги и правда добрые, нежные, полные сочувствия. Они не просто не гнушаются беднейшими бета — они даже врачей зовут, когда те плохо себя чувствуют.

Обследовать Сюя Сяочжэня взялся профессиональный врач, приехавший вместе с делегацией из четвёртого сектора. Его привезли именно для таких экстренных случаев — медик, досконально знакомый с телом омеги и спецификой их состояний.

Взглянув на него всего раз, врач без колебаний произнёс:

— У ребёнка нарушен баланс феромонов. Слишком долго был вдали от своего альфы. Временно облегчим — сделаю укол ингибитора.

С этими словами он вколол в шею Сюя Сяочжэня ампулу с бледно-розовой жидкостью.

Экзамены уже закончились, и те омега-экзаменаторы, что узнали о его состоянии, поспешили

войти в кабинет.

— Восемнадцатый сектор... — молодой омега присвистнул. — Как же там всё тяжело, даже с альфой разделяют! Это ж через что надо пройти?

— Главное сейчас — найти его альфу, — поддержал другой. — Пусть приедет, успокоит его. Хотя вообще... как их вообще туда занесло? Нормальная пара А и О — в восемнадцатом районе?

— Постойте! — вдруг громко воскликнул врач. Его голос дрожал. — Он... он беременен. Уже четыре месяца!

Мгновенно наступила тишина. Настолько звенящая, что можно было услышать, как падает булавка.

Восемнадцатилетний омега. Даже до брачного возраста не дожил. Беременен. Феромонный срыв от разлуки с альфой. Что это значит?

Брошенный.

Омеги с самого дна... их жизнь, оказывается, ещё труднее, чем кто-либо представлял.

Тишина была настолько оглушительной, что её прорезал лишь сдавленный вдох — Сюй Сяочжэнь очнулся и услышал тот самый роковой крик.

Он... беременен?

Кто он? Он — это... он сам?

Беременен. Уже четыре месяца. Это Чжоу Янь? В тот день? В тот злополучный день дифференциации и неукротимой течки?